

ГЛАВА 1

Господин Динор собак не любил, вернее, так он позиционировал себя в кругу собачьих фанатов. На самом деле он скорее не признавал их право на существование как равноправных членов благородных семейств. Динор не понимал, как можно умиляться, глядя на писающего пса, или приходить в восторг в момент, когда волосатое создание пытается облобызать тебя своим шершавым языком, выбирая для совершения этой процедуры самые неподходящие части тела и самое неподходящее время суток.

Почему он, доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных, специалист в области физиологии мозга, без пяти минут почетный профессор Российской академии наук, так упорно не желал общаться с «лучшими друзьями человека», несмотря на то что по роду научной деятельности имел с ними прямую

связь? Его поведение коллегам и знакомым казалось нелогичным до тех пор, пока они не попадали к профессору в дом. Там уже через пять минут до них доходил смысл протеста господина Динора.

Причина, дражайшая супруга Зинаида Трифоновна, выплывала в коридор для встречи гостей с неизменным атрибутом на руках. Атрибут, шестилетний мопс по кличке Император, восседал на пышной груди хозяйки в поистине царском облачении: золоченом костюме-тройке с обязательной бабочкой, пришитой под декоративным воротничком. В объятиях Зинаиды Трифоновны мопс чувствовал себя настолько комфортно, что его приплюснутая мордочка излучала доброжелательность на всех гостей без исключения.

Казалось бы, что в этом плохого? На гостей не лает, в обувь им не мочится, тапки не прячет — живи да радуйся. Но нет! Как показывали следующие пять минут общения с хозяйкой дома, в такой расстановке сил были существенные недостатки. Все, чем могла заниматься Зинаида Трифоновна в присутствии Императора, — это сидеть и расточать восторги по поводу и без повода, лишь бы они относились к высокочтимой особе мопса. Если Зинаида Трифонов-

на пыталась спустить Императора на пол, чтобы заняться гостями, или тема переходила на любой другой предмет, кроме обсуждения достоинств домашнего питомца, мопс начинал беспокойно ерзать по пышной груди, бить лапами по щекам хозяйки и при этом громко лаять.

Какое уж тут общение? Разумеется, Зинаида Трифоновна тут же переключалась на Императора, на господина Динора перенаправлялись обязанности гостеприимного хозяина, и он принимался готовить чай, резать бутерброды и всячески развлекать гостей, будь то его коллеги или подруги Зинаиды Трифоновны. И это было бы еще полбеды, если бы подобная ситуация складывалась только в присутствии гостей. Но ведь Император не желал делить внимание Зинаиды Трифоновны с кем бы то ни было и в отсутствие таковых!

По сути, пес взял Зинаиду Трифоновну в рабство, не отпуская ее от себя ни днем ни ночью. И вот с таким положением вещей господин Динор никак не мог примириться. Втайне от супруги он именовал мопса не иначе как узурпатор, питал к нему негативные чувства, а временами даже желал тому скорейшей кончины. Одним словом, собак господин Динор не любил. Зато питал неиз-

бывшую любовь и нежность к супруге, которой прощал все ее странности. Вот почему ранним февральским утром он оказался возле дома номер тридцать семь по улице Северной Одинцовского района в компании «узурпатора».

В Одинцово они с женой переехали сравнительно недавно, польстившись на громкие рекламные посулы, расписывающие комфорт и уединение «спальных районов». Профессорской квартиры господин Динор не заработал в силу неуживчивого характера и неумения «подмазать» кого нужно и когда нужно. Жили супруги в «однушке», доставшейся ей в наследство от дальних родственников, в районе Ясенево, и были вполне счастливы. До тех пор, пока подруга Зинаиды Трифоновны не принесла в дом идею о радужной жизни в одинцовских многоэтажках.

Зинаида Трифоновна так загорелась чужой идеей, что всю процедуру обмена квадратных метров на аналогичные квадратные метры произвела сама, оповестив супруга о смене жилья чуть ли не в день переезда. Скромная «однушка» сменилась шестьюдесятью квадратами, проклинать которые Зинаида Трифоновна принялась уже спустя неделю проживания на новом месте.

Бетонные высотки, наклепленные одна на другую, не случайно прозвали в народе «человейниками». По мнению господина Динора, муравьям в их муравейниках жилось куда комфортнее, а уж о просторе и говорить не приходилось. Супругу за необдуманный поступок господин Динор не корил, смысла не было, когда все уже свершилось, жалел и старался всячески облегчить новую участь. В частности, выгуливать Императора в те моменты, когда «его величество» не желало ждать наступления рассвета, настаивая на том, чтобы справить нужду немедленно.

Единственным местом, пригодным для прогулок с собакой, в районе многоэтажных застроек оказался чудом уцелевший барак в четыре этажа, где придомовая территория все еще сохранилась в первозданном виде: с газонами, деревьями и кучей интересных для собачьей души укромных уголков. Ходить сюда было далековато, зато Император не так страдал от смены района. Найти ему друзей в железобетоне оказалось задачей невыполнимой, никто не желал мириться с четвероногими агрессорами на скудных квадратных метрах, где зачастую селилась целая диаспора, поэтому приходилось довольствоваться малым. Этим малым

был высокий каштан и вязевые кустарники возле тридцать седьмого дома.

Не имея возможности отказаться от процедуры выгула, господин Динор подслащивал пиллюлю тем, что на протяжении всей прогулки высказывал бессловесному созданию свои претензии. Пес на ворчание профессора реагировал философски: принимал его стиль общения, подлаживался под настроение провожатого, а при появлении прохожих даже брехать начинал, точно копируя интонации господина Динора. Со стороны это выглядело весьма комично, но парочке «профессор — мопс» на это было абсолютно наплевать.

— И как только вас, мопсов, мудрые китайцы к императорскому двору допустили? Иероглиф у них, видите ли, императорский знак на лбу. Ну, где, скажи, на твоём морщинистом лбу китайцы иероглиф разглядели? Кожа, она и есть кожа, посмотрели и забыли. Так нет же, во Францию вас переправили, Англию заплонили. Наполеоновская Жозефина вашей мнимой добротой прельстилась, королева Великобритании так вообще в ранг идиолов вас возвела, а чего ради? За блестящие глаза-кругляши? За особенный окрас? Разбаловали донельзя, испортили породу, а нам теперь отдувайся.

Историю происхождения своей породы Император слушал не в первый раз, он даже слова некоторые различать научился и соответственно на них реагировал. Например, когда речь заходила о жене Наполеона Жозефине, мопс вытягивал короткую шею и начинал облизывать мордочку языком. А при упоминании королевы Виктории грациозно приседал на задние лапы и мел дорожку хвостом. Профессор на выходки мопса не реагировал, а переходил к более понятным темам:

— Ты зачем снова Зинаиду Трифоновну по сусалам лупил? Гости в доме, высокочтимые люди, профессора и доценты, а ты к ним со своими вульгарными ужимками. Где ваше воспитание, господин «узурпатор»? Где, скажите, прячутся ваши императорские корни? — Как в разговоре с коллегами, когда речь заходила о серьезных вещах, профессор переходил на официальную манеру обращения, так и в беседе с мопсом он невольно начинал обращаться к нему на «вы». — Элементарная вежливость требует от вас придерживаться определенных норм поведения. Отчего же вы игнорируете их?

Мопс поджимал хвост, тихо скулил, после чего бросался лизать руки профессору. Тот брезгливо морщился, отдергивал руки и начинал распекать питомца на новый лад: ■

— А эта ваша манера выражать эмоции посредством языка! Я понимаю, Зинаиде Трифоновне подобные излияния чувств приятны, но зачем вы пытаетесь произвести данную процедуру с каждым встречным? Должны же быть рамки, в конце концов!

Когда мопсу надоедало слушать брюзжание профессора, он вытягивал поводок на полную длину и принимался носиться взад-вперед по дороге до тех пор, пока провожатый не терял нить разговора, и тогда мопс имел возможность прошвырнуться по кустам в поисках интересных объектов. Шелестящий пакет из-под чипсов, пустая пластиковая бутылка, закрученная цветной крышкой, утерянный носовой платок, детская игрушка — все привлекало внимание любознательного пса. Профессор и эту привычку мопса разносил в пух и прах, но запрещать обследовать заинтересовавшие предметы не спешил.

Этим утром пес вел себя особенно беспокойно. Как только они оказались в непосредственной близости от дома номер тридцать семь, Император как-то весь ошетинился, холка напряглась, и он начал рваться с поводка. Профессор приструнил мопса, подтянув к краю дороги, и попытался сменить направление, намереваясь прогуляться

до единственного в районе торгового ларька, обслуживающего население круглые сутки. У него закончились сигареты, а он любил, завершая прогулку, подымить сладким дымом с запахом вишневых косточек.

Мопс сперва послушно вернулся и даже пробежал с десятков метров в нужном направлении, но подул ветерок, и он, снова ощутив обеспокоивший его запах, рванул обратно. Рука господина Динора дернулась следом, поводок натянулся, запутался в меховой опушке куртки, и профессор чуть не выронил тяжеловесную рулетку поводка.

— Да что с тобой такое? — сердито крикнул он вдогонку мопсу. — Неужели нельзя хоть раз вести себя подобающим образом! Сюда, «узурпатор», к ноге!

Команду «к ноге» Император не выполнял и в лучшие дни, а сегодня ненавистное слово только сильнее раззадорило пса. Мопс на долю секунды оглянулся и перепрыгнул через невысокий металлический заборчик, огораживающий придомовый газон. Профессор по инерции пробежал несколько шагов вслед за ним, прежде чем ему удалось обуздать поводок. К тому моменту он уже был в ярости от выходки мопса.

— Ах ты, анархист негодный! Ну, погоди, я тебя научу подчиняться законам! —

воскликнул профессор, совершенно игнорируя тот факт, что ранним утром выходного дня воспитанным людям не подобает кричать во все горло под окнами трудового народа. — На горох! Без сладкого! В кладовку!

Он выкрикивал самые действенные угрозы, какие мог придумать в состоянии гнева, но только последнее слово заставило мопса сбавить темп. Император до жути боялся темных закрытых помещений. Всего раз профессор, в отсутствие Зинаиды Трифоновны, применил к нему подобное наказание, но этот случай запечатлелся в памяти пса на веки вечные. Слово «кладовка» ассоциировалось у него с самыми страшными ужасами, чем профессор крайне редко, так как применять его мог исключительно в отсутствие супруги, но беззастенчиво использовал.

Сейчас мопс стоял в центре газона и боролся с двумя равнозначно сильными желаниями: продолжить бег и выяснить, что является источником раздражающего запаха, или же проявить благоразумие и не подвергать себя жестокому наказанию. Будучи специалистом в области физиологии желаний, профессор прекрасно понимал, какая борьба происходит в душе пса, но его про-

блемы и терзания господина Динора не цепляли. Настоятельную потребность поскорее убраться с чужого двора подстегивал неприятный запах, который так возбудил мирного, по сути, мопса.

— Согласен, пахнет отвратительно, — вслух произнес профессор. — Отвратно и знакомо, я бы сказал. Но нас с тобой это не касается. Даю тебе пять минут на все твои собачьи дела, и уходим.

Пес продолжал стоять на месте. Казалось, он определился, как в сложившейся ситуации следует вести себя с провожатым, и теперь воплощал идею в жизнь. Взгляд мопса буравил профессора, холка продолжала топорщиться, а задние ноги вдруг начали подрагивать. Такое Император позволял себе только в исключительных случаях, так как подрагивание означало страх, а мопс считал этот вид эмоций проявлением слабости. Император в принципе не может быть слабаком.

— Ладно, не расстраивайся, — сжалился господин Динор. — И не трясись, делай свои дела. Так и быть, подожду сколько потребуется.

Мопс с места не двинулся, повел носом в сторону дома и заскулил. Профессор решил взять инициативу в свои руки: он под-